

Оглавление

Часть первая

25.11.1970

<i>Пикник среди недели</i>	11
----------------------------------	----

Часть вторая

Июль 1978 г.

1. <i>16 шагов и правила их прохождения</i>	25
2. <i>Исчезновения (ее самой, ее фотографий и ночной сорочки)</i>	34

Часть третья

Сентябрь 1978 г.

1. <i>Китовый пенис. Девчонка на трех работах</i>	41
2. <i>Разблокированные уши</i>	61
3. <i>Разблокированные уши. Продолжение</i>	63

Часть четвертая

Охота на овец — 1

1. <i>До появления человека со странностями</i>	71
2. <i>Появление человека со странностями</i>	79
3. <i>Сэнсэй</i>	88
4. <i>Считая овец</i>	94

5. <i>Автомобиль и его водитель (1)</i>	99
6. <i>Вселенная глазами Червяка</i>	104

Часть пятая

Письма Крысы и то, что за ними последовало

1. <i>Первое письмо Крысы</i> (штемпель: 21 декабря 1977 года)	113
2. <i>Второе письмо Крысы</i> (штемпель: ? мая 1978 г.)	119
3. <i>Песенка спета</i>	126
4. <i>Она рассказывает о шуме волн, потягивая «солти дог»</i>	139

Часть шестая

Охота на овец — 2

1. <i>Странный рассказ человека со странностями (1)</i> ..	153
2. <i>Странный рассказ человека со странностями (2)</i> ..	166
3. <i>Автомобиль и его водитель (2)</i>	184
4. <i>Конец лета, начало осени</i>	189
5. <i>1:5000</i>	194
6. <i>Пикник в воскресный полдень</i>	201
7. <i>Об ограниченном, но упрямом сознании</i>	210
8. <i>Рождение селедки</i>	218

Часть седьмая

Отель «Дельфин»

1. <i>Перемещения в кинозале. Прибытие в отель «Дельфин»</i>	231
2. <i>Профессор Овца</i>	247
3. <i>Профессор Овца много ест и много рассказывает</i> ..	262
4. <i>Прощай, отель «Дельфин»</i>	283

Часть восьмая
Охота на овец — 3

1. <i>Рождение, расцвет и падение города Дзюнитак</i> . . .	289
2. <i>Дальнейшее падение города Дзюнитак.</i> <i>Овцы Дзюнитак.</i>	304
3. <i>Ночевка в Дзюнитак</i>	327
4. <i>Проклятый поворот</i>	331
5. <i>Она спускается с гор. Вакуум в желудке</i>	359
6. <i>Находка в гараже. Мысли посреди пастбища</i>	364
7. <i>И пришел человек-овца</i>	369
8. <i>Личное шоссе Господина Ветра</i>	381
9. <i>Что отражается в зеркале —</i> <i>и что не отражается в зеркале</i>	398
10. <i>Срок истекает</i>	408
11. <i>Темнота и ее обитатели</i>	411
12. <i>Крыса, который завел часы</i>	417
13. <i>Красный провод, зеленый провод.</i> <i>Охрипшие чайки</i>	427
14. <i>И снова — проклятый поворот</i>	429
15. <i>Чай в двенадцать часов</i>	432
Эпилог	437

Часть первая

25.11.1970

Пикник среди недели

О ее смерти мне сообщил по телефону старый приятель, наткнувшийся на случайные строчки в газете. Единственный абзац скупой заметки он членораздельно зачитал прямо в трубку. Заурядная газетная хроника. Молоденький журналист, едва закончив университет, получил задание и опробовал перо.

Тогда-то и там-то такой-то, находясь за рулем грузовика, сбил такую-то. Вероятность нарушения служебных обязанностей, повлекшего смерть, выясняется...

Как рекламный стишок на задней обложке журнала.

— Где будут похороны? — спросил я.

— Да откуда я знаю? — удивился он. — У нее вообще была семья-то?

Разумеется, семья у нее была.

Я позвонил в полицию, спросил адрес и номер телефона семьи, затем позвонил семье и узнал дату и время похорон. В наше время, как кто-то сказал, если хорошо постараться, можно узнать что угодно.

Семья ее жила в «старом городе», Ситамати. Я развернул карту Токио, отыскал адрес и обвел ее дом тонким красным фломастером. То был действительно очень старый район на самом краю столицы. Ветвистая паути-

на линий метро, электричек, автобусов давно утратила какую-либо вразумительную четкость и, вплетенная в сети узких улочек и сточных каналов, напоминала морщины на корке дыни.

В назначенный день пригородной электричкой от станции Васэда я отправился на похороны. Не доезжая до конечной, вышел, развернул карту токийских пригородов и обнаружил, что с равным успехом мог бы держать в руках карту мира. Добраться до ее дома мне стоило нескольких пачек сигарет, которые пришлось покупать одну за другой, каждый раз выспрашивая дорогу.

Дом ее оказался стареньким деревянным строением за частоколом из бурых досок. Нагнувшись, я через низенькие ворота пробрался во двор. Тесный садик по левую руку, похоже, был разбит без особой цели, «на всякий случай»; глиняную жаровню, брошенную в дальнем углу, на добрую пядь затопило водой давно прошедших дождей. Земля в саду почернела и блестела от сырости.

Она убежала из дома в шестнадцать; видно, еще и поэтому похороны прошли очень скромно, словно украдкой, в тесном домашнем кругу. Семья состояла из одних стариков, и то ли родной, то ли сводный брат, мужчина еле за тридцать, заправлял церемонией.

Отец, низкорослый, лет пятидесяти с небольшим, в черном костюме с траурной лентой на груди стоял, подпирая дверной косяк, и не подавал ни малейших признаков жизни. Взглянув на него, я вдруг вспомнил, как выглядит дорожный асфальт после только что схлынувшего наводнения.

Уходя, я отвесил безмолвный поклон, и он так же молча поклонился в ответ.

Впервые я встретился с ней осенью 1969 года; мне было двадцать лет, ей — семнадцать. Неподалеку от университета была крохотная кофейня, где собиралась вся наша компания. Заведеньице так себе, но с гарантированным хард-роком — и на редкость паршивым кофе.

Она сидела всегда на одном и том же месте, уперев локти в стол, по уши в своих книгах. В очках, похожих на ортопедический прибор, с костлявыми запястьями — странное ощущение близости вызывала она во мне. Ее кофе был вечно остывшим, пепельницы неизменно полны окурков. Если что и менялось, то лишь названия книг. Сегодня это мог быть Мики Спиллейн, завтра — Кэндзабуро Оэ¹, послезавтра — Аллен Гинзберг.. В общем, было бы чтиво, а какое — неважно. Перетекавшая туда-сюда через кофейню студенческая братия то и дело оставляла ей что-нибудь почитать, и она трескала книги, точно жареную кукурузу, — от корки до корки, одну за другой. То были времена, когда люди запросто одалживали книги друг другу, и, думаю, ей ни разу не пришлось кого-то этим стеснить.

То были времена «Дорз», «Роллинг Стоунз», «Бёрдз», «Дип Пёрпл», «Муди Блюз». Воздух чуть не дрожал от странного напряжения: казалось, не хватало какого-нибудь пинка, чтобы все покатилося в пропасть.

Дни прожигались за дешевым виски, не особо удачным сексом, ничего не менявшими спорами и книжками

¹ Кэндзабуро Оэ (р. 1935) — японский писатель, испытавший в своем творчестве влияние экзистенциализма, лауреат Нобелевской премии (1994).

напрокат. Бестолковые, нескладные шестидесятые со скрипом опускали свой занавес.

Я забыл ее имя.

Можно бы, конечно, раскопать ту газетную хронику с сообщением о ее смерти. Только как ее звали — мне сейчас совершенно не важно. Я не помню, как ее имя когда-то звучало. Вот и все.

Давным-давно жила-была Девчонка, Которая Спала С Кем Ни Попадая...

Вот как ее звали.

Конечно, если всерьез разобраться, спала она вовсе не с кем попало. Не сомневаюсь, для этого у нее были какие-то свои, никому не ведомые критерии.

И все же, как показывала действительность любому пристальному наблюдателю, спала она с подавляющим большинством.

Только однажды, из чистого любопытства, я спросил у нее об этих критериях.

— Ну-у, как тебе сказать... — ответила она и задумалась секунд на тридцать. — Конечно, не все равно, с кем. Бывает, тошнит при одной мысли... Но знаешь — мне просто, наверное, хочется успеть узнать как можно больше разных людей. Может, так оно и приходит ко мне — понимание мира...

— И чьих-то постелей?

— М-м...

Наступил мой черед задуматься.

— Ну и... Ну и как — стало тебе понятнее?

— Чуть-чуть, — сказала она.

С зимы 69-го до лета 70-го я почти не виделся с ней. Университет то и дело закрывали по разным причинам, да и меня самого порядком закрутило в водовороте личных неприятностей.

Когда же осенью 70-го я заглянул наконец в кофейню, то не обнаружил среди посетителей ни одного знакомого лица. Ни единого — кроме нее. Как и прежде, играл хард-рок, но неуловимое напряжение, наполнявшее воздух когда-то, испарилось бесследно. Только паршивый кофе, который мы снова пили, так и не изменился за год. Я сидел перед нею на стуле, и мы болтали о старых приятелях. Многие уже бросили университет, один покончил собой, еще один канул без вести... Так и поговорили.

— Ну а сам-то — как ты жил этот год? — спросила она.

— По-разному, — ответил я.

— Стал мудрее?

— Чуть-чуть.

В эту ночь я спал с нею впервые.

Я ничего толком не знаю о ней, кроме того, что когда-то услышал — то ли от кого-то из общих знакомых, то ли от нее самой в постели между делом. Еще старшеклассницей она вдрызг разругалась с отцом и сбежала из дому (и, понятно, из школы) — точно, была такая история. Но где жила и чем перебивалась — этого не знал никто.

Дни напролет она просиживала на стульчике в рок-кафе, поглощая кофе чашку за чашкой, выкуривая одну сигарету за другой и перелистывая страницу за страницей очередной книги в ожидании момента, когда наконец появится какой-нибудь собеседник, который заплатит за все эти кофе и сигареты (не ахти какие суммы для нас даже в те дни) и с которым она, скорее всего, и уляжется этой ночью в постель.

Вот и все, что я знал о ней.

Так и сложилось: с той самой осени и до прошлого лета раз в неделю, по вторникам, она приходила ко мне в квартиру на окраине Митака. Ела мою нехитрую стряпню, забивала окурками пепельницы и под хард-рок по «Радио FEN» на полную катушку занималась со мной любовью. Утром в среду, проснувшись, мы гуляли с ней в маленькой рощице, постепенно добредали до студенческого городка и обедали в местной столовой. Уже после обеда пили жиденький кофе на открытой площадке под тентами и, если погода была хорошей, валялись в траве на лужайке и разглядывали небеса.

«Пикник среди недели», — называла это она.

— Каждый раз, когда мы приходим сюда, я чувствую себя, будто на пикнике.

— На пикнике?

— Ну да. Куда ни глянь — трава. У людей вокруг счастливые лица...

Стоя в траве на коленях, она испортила несколько спичек, прежде чем наконец прикурила.

— Солнце подымается, потом садится; люди появляются и исчезают... Время течет, как воздух, — все как на настоящем пикнике, ведь правда?

Я доживал свой двадцать первый год, через две-три недели мне исполнялось двадцать два. Ни надежды в ближайшее время закончить университет, ни причины бросать его на полдороге. На распутье сомнений и разочарований уже несколько месяцев кряду я не решался сделать ни шага в жизни.

Мир вокруг продолжал вертеться — только я, казалось, совершенно не двигался с места. Что бы ни являлось моим глазам в ту осень 70-го — все окутывалось странной дымкой печали, все сразу и с катастрофической быстротой увядало, теряя цвет. Лучи солнца, запах травы, еле слышный шелест дождя — и те раздражали меня.

Неотвязно меня преследовал сон о ночном поезде. Всегда один и тот же. Поезд, полный табачного дыма и туалетной вони, набитый людьми так, что не продохнуть. В вагоне, где яблоку негде упасть, заблеваные простыни липнут к телу. Не в силах терпеть, я подымаюсь с полки, протискиваюсь к дверям и схожу на случайной станции. Местность заброшена и пустынна — ни огонька. На станции не видать даже стрелочника. Ни часов, ни расписания — ничего... Такой вот сон.

В то время, мне кажется, я во многом подходил ей. Пусть нелепо и болезненно, но был нужен ей именно таким, каким был. В чем подходил, чем был нужен — сейчас уже не припомню. Может, я был нужен лишь себе самому — и не больше, но ее это ничуть не смущало. А может быть, она просто так развлекалась, — но чем именно? Как бы там ни было, вовсе не жажда ласки-нежности притягивала меня к ней. И сейчас еще, стоит вспомнить ее, возвращается ко мне то странное, неопи-

суемое ощущение. Одиночества и печали — словно от прикосновения чьей-то руки, вдруг протянутой сквозь невидимую в воздухе стену.

Тот странный вечер 25 ноября 1970 года я помню отчетливо и сегодня. Сбитые ливнем листья гинко в нашей роще выкрасили желтым узенькую тропинку, вышедшую из берегов, как река в паводок. Сунув руки в карманы курток, мы бродили по останкам тропы туда и обратно. В мире не было ничего, кроме шороха двух пар обуви по палым листьям да резких выкриков птиц.

— Слушай, что с тобой происходит? — спросила она внезапно.

— Так... Ничего особенного, — ответил я.

Пройдя немного вперед, она села на обочину и закурила. Я присел рядом.

— Тебе снятся плохие сны?

— Постоянно. Просто кошмары какие-то. Особенно — про автомат с сигаретами, который сдачу не отдает...

Рассмеявшись, она положила ладонь на мое колено. Потом убрала.

— Не хочешь говорить, да? Ни словечка?

— Как-то не говорится... Ни словечка.

Она бросила недокуренную сигарету на землю, благовоспитанно притоптала кроссовкой:

— Самое наиболее никогда не высказать толком... Ты об этом?

— А, не знаю! — сказал я.

Глухо фыркнув крыльями, две птицы вспорхнули с земли, и ослепительно чистое небо всосало их в себя без остатка. Некоторое время мы молча следили за тем, как

они исчезают. Затем, подобрав сухую ветку, она принялась вычерчивать на земле какой-то неясный узор.

— Когда я сплю с тобой... Мне бывает ужасно грустно.

— Это я виноват... Я знаю.

— Дело тут не в тебе... И даже не в том, что ты вечно думаешь о другой, когда обнимаешь меня. Это — пускай, как угодно. Я... — Оборвав внезапное откровение, она провела на своем узоре три длинные параллельные линии. — Н-не знаю.

— Понимаешь... Я вовсе не собираюсь от тебя отгораживаться, — сказал я после паузы. — Просто я и сам никак не могу уловить, что происходит. Так хотелось бы научиться понимать все вокруг — беспристрастно, как можно спокойнее. Чтобы и в облаках не витать, и на лишнее время не тратить... Но все это требует времени.

— Сколько времени?

Я покачал головой.

— Откуда я знаю? Может, год, а может, и десять.

Она отбросила прутик и, поднявшись с земли, стряхнула приставшие к куртке травинки.

— Послушай... А тебе не кажется, что десять лет — это очень похоже на вечность?

— Да, наверное, — ответил я.

Выбравшись из рощи, мы дошли до студенческого городка, уселись, как обычно, под тентами в летнем кафе и захрустели сосисками. Ровно в два часа пополудни на экране телевизора вдруг с ненормальной частотой замельтешили то лицо, то фигура Юкио Мисимы¹. С громко-

¹ Юкио Мисима (Хираока Кимитакэ, 1925–1970) — японский писатель, лидер одной из национально-шовинистических группировок. В 1970 г. совершил публичную церемонию хара-